

*П.Ю. Уваров**

**ГОСУДАРСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО:
СЕАНС АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ НА ФОНЕ СМЕНЫ
ПОКОЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Успех французских гуманитариев «среднего возраста» вызывает удивление. Вопреки скепсису старших коллег, работы представителей этого поколения от Тома Пикетти до Патрика Бушрона оказались востребованы публикой. Они не боятся ошибаться и это дает им возможность отвечать на простые, но очень важные вопросы. Этот научный стиль свойственен и для Элоди Лекюпр-Дежарден (*Lecuppre-Desjardin E. Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne. P.: Belin, 2016*), которая осмелилась задаться вопросом о том, почему Великое княжество Бургундское (1363-1477) оказалось «недостроенным» как государство. Исследовательница идет по тонкой грани между «финализмом» и «альтернативной историей», не боясь ставить теоретические вопросы, давно уже игнорируемые французской наукой. Например, что такое государство и к какому типу средневековых государств можно отнести владения герцогов Бургундских. Работа Э. Лекюпр-Дежарден обретает новые грани при сопоставлении ее с российской историографией, где, с одной стороны, уже сложилась своя школа изучения истории Великого княжества Бургундского, а с другой — иная система терминов, и открывает новые коннотации термина «государство». Главное, что отстраненный взгляд на средневековый Запад в контексте всемирной истории позволяет предположить наличие позитивной связи между неудачей герцогов бургундских в государственном строительстве и удивительным экономическим и культурным взлетом этого региона. Если Европа на общем фоне представляла собою исключение, то земли бургундских герцогов в эпоху позднего Средневековья были квинтэссенцией этой исключительности.

Ключевые слова: Французская историография XXI в., Великое княжество Бургундское, средневековое государство, средневековые нации, альтернативная история.

** Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий Отделом западноевропейского Средневековья и Раннего нового времени Института всеобщей истории РАН*

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 16-18-10393 "Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования".

Профессор университета Лилль-III Элоди Лекюпр-Дежарден написала интересную книгу, рассматривая судьбу того странного территориально-политического образования, которым были владения герцогов Бургундских в XV в. и которое порой считалось альтернативной по отношению к Франции моделью государства¹. Почему эта история, начавшаяся в 1363 г, когда младшему сыну короля Филиппу Храброму было передано герцогство Бургундское, не завершилась успехом – созданием нового государства? Была ли она оборвана случайной гибелью Карла Смелого, последнего из герцогов в 1477 г, или же собранный под их властью конгломерат разнородных провинций изначально был обречен на политическое небытие?

Автор относится к поколению деятелей «среднего возраста», неожиданно громко заявившего о себе во Франции в середине 2010-х гг. нашего века. Слишком долго французское гуманитарное знание оставалась заблокированным «людьми 1968 г.». Прорывы 1970-х – начала 1980-х гг. давно ушли в прошлое, и французским гуманитариям оставалось заниматься декорированием, культивировать различные запреты и табу, множить сомнения, элегантно решать частные вопросы. Конечно, на прилавке французской мысли находилось место и бунтарям, и маргиналам, время от времени провоцировавшим скандалы, но их достаточно быстро локализовывали, возвращая всё на свои места, где всякому сверчку полагалось знать свой шесток. И хотя «позитивистское» наследие было не в чести, слова Шарля Сеньобоса: «Задавать вопросы весьма полезно, отвечать на них крайне опасно», последнее время оставались во Франции неписанным законом. Главным было не забывать о «кризисе истории», о том, что идеи прогресса, культуры, государства, общества, классов и наций безнадежно устарели. При этом французские историки науки постепенно скатывались на вторые, а затем и на третьи роли в мировой науке, чем французы сперва были обеспокоены и с чем затем смирились. Если кто и выражал недовольство ситуацией, то обыватели, та самая французская публика, удивленная метаморфозами школьных программ по истории, из которых исчезали события и люди, или правительство, которое иногда пыталось вернуться к поискам национального нарратива, как во времена Саркози, осмелившегося основать Музей французской исто-

¹ *Lecuppre-Desjardin E. Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne (XIVe-XVe siècles).* P.: Belin, 2016.

рии. В ответ на это профессиональное сообщество спланировало ряды для отпора попыткам «инструментализации истории».

И вдруг люди, по французским меркам молодого, в крайнем случае – среднего возраста, и не какие-нибудь креативные маргиналы, а те, кого считали «крепкими специалистами средней руки», начали играть не по правилам. И, главное, – добиваться при этом широкого признания. Самый вопиющий случай – Томас Пикетти. Экономист среднего уровня в сорок лет попытался не только ставить вопросы, но и отвечать на них, в своей монументальной книге «Капитал в XXI веке». Правда, свою книгу он издал почти одновременно и по-французски, и по-английски, сразу придав полемике чуть ли не планетарный характер². Он вызвал бурю возмущения со стороны коллег, выпустивших несколько книг, опровергающих его выводы, однако это ничуть не убавило его славы. Более близкий мне пример – Патрик Бушрон, слывший хорошим специалистом по истории ренессансного города. В сорок с небольшим он возглавил проект по изданию «Всемирной истории», в котором, правда, речь шла лишь о XV веке, но это была давно уже невиданная во Франции попытка связать воедино историю всех регионов мира на излете Средневековья³. В частных беседах коллеги, близкие мне по возрасту, единодушно ругали эту работу: ненужный коллективный труд, лишенный эвристической ценности, изобилующий ошибками, заведомо архаичный, коль скоро время подобных обобщений прошло и они творятся теперь лишь на потребу домохозяек. Тем не менее успех этого массивного труда был немалым, появились переиздания, а П. Бушрон вскоре был избран профессором Коллеж де Франс (2013). Более того, он возглавил работу над еще более амбициозным проектом – «Всемирной историей Франции», объединившим свыше 120 авторов⁴. И вновь в неофициальных беседах старшие коллеги дружно критиковали это начинание, но выпущенный в 2017 г. этот толстенный том сразу же стал лидером продаж, получив крайне благожелательные рецензии в таких изданиях, как *Le Monde*, *Liberation*, *l'Obs*, где разъяснялось, что это отнюдь не возвращение «национального нарратива» и не уступка «борцам за идентичность» (по определению реакционным), а правильный, политически корректный синтез национальной и интернациональ-

² Pickett Th. *Le Capital au XXIe siècle*. P., 2013 ; Pickett Th. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge (MA), 2014.

³ *Histoire du monde au XVe siècle* / Sous la dir. de P. Boucheron. P., 2009.

⁴ *Histoire mondiale de la France* / Sous la dir. de P. Boucheron. P., 2017.

ной истории. Примечательно, что П. Бушрон активно поддерживал своего младшего современника Эмманюэля Макрона, который в свою очередь выказывал живой интерес к идеям модного историка.

Новое поколение властителей дум уступает своим именитым предшественникам (и, смею надеяться, понимает это, хотя Пикетти и называют «новым Марксом», а Бушрона – «новым Броделем»), но важно, что они не боятся ошибаться. Как следствие – они задаются простыми и вместе с тем важными вопросами и излагают результаты своих наблюдений в доступной форме, не увлекаясь эпистемологическими тонкостями. Коллеги могут предъявлять им много претензий, чаще всего обоснованных, но публика ждет от них ответов именно на эти «детские вопросы». Думается, что именно в этом причина успеха этих экономистов, историков и политиков среднего возраста.

Надеюсь, что благодаря языковому барьеру Элоди Лекюпр-Дежарден не узнает, в какой ряд я ее поместил, однако по всем критериям ее исследование соответствует чертам, выделенным мной для успешных гуманитариев этого поколения. Среди них – смелость в постановке исследовательских задач; отсутствие страха перед трюизмами и «простыми вопросами», отвечать на которые долгое время среди специалистов было не принято; способность писать ясным языком, но избегая упрощений и осознавая важность когнитивных проблем; и, наконец, признание или даже подчеркивание особой политической актуальности предмета своего исследования.

О феномене политического образования, созданного бургундскими герцогами, написаны тонны книг и горы статей. Внимание привлекали и пышный бургундский двор с утонченным церемониалом, демонстрация величия и богатства правителя во время торжественных въездов в города и приема послов, оригинальная идеология и своеобразная «бургундская идея», проявление которой историки ищут то в трудах придворных хронистов, то в политических трактатах и декларациях герцогов, то в сценариях политических ритуалов, столь милых сердцу «Великих герцогов Запада». Но именно роскошь культурно-политических реалий бургундской жизни, созвучная стилю «пламенеющей готики», и затрудняет написание обобщающих работ по истории этого комплекса земель⁵,

⁵ Время от времени появлялись обобщающие работы, но они не замахивались на переосмысление всех имеющихся концепций: *Vaughan R. Philip the Bold. The Formation of the Burgundian State. Cambridge (Mass), 1962*; *Vaughan R. Valois Burgundy. L., 1975*; *Blockmans W., Preuier W. The Burgundian Netherlands. Cambridge, 1986*; *Schnerb B. L'État bourguignon. 1363-1477. P., 1999*.

из которых каждая имела свой вектор развития, свою политическую культуру и историческую память, свою логику сохранения архивов. Но эти трудности не остановили Э. Лекюпр-Дежарден.

Не испугалась она и очевидных теоретических ловушек на своем пути, прежде всего – связанных с терминологией. Как можно говорить о территориально-политическом образовании, избегая при этом слова «государство»? Историки, писавшие о владениях бургундских герцогов, сначала ставили этот термин в кавычки, затем, пообвыкнув, кавычки стали опускать. За этой практикой не было особой теории, просто авторам так было проще. Но любой термин, и *état* в особенности, отнюдь не нейтрален. Он отсылает французских историков к понятию *État moderne* со всем набором свойств, невольно приписываемых этой политической сущности. При защите автором книги в 2013 г. диссертации вспыхнула полемика, выявившая драматическое отсутствие консенсуса по поводу того, что вообще можно называть государством, тем более – средневековым государством. Испытанный прием – обратиться к терминологии источников, использовать термины, которыми современники определяли комплекс владений бургундских герцогов, оказался непродуктивным, поскольку единый термин отсутствовал как у самих обитателей бургундских земель, так и у сторонних наблюдателей.

Автор осознает и еще одну очевидную, но оттого не менее серьезную трудность. Если анализировать бургундский опыт обретения государственности исходя из его финальной неудачи (гибели Карла Смелого в 1477 г.), то это будет означать приверженность телеологии, заведомой подгонкой описываемой реальности под готовый ответ. Если же постараться забыть об этой дате и определять перспективы наблюдаемых явлений, как если бы в 1477 г. ничего не произошло, (задаваясь, например, вопросами о том, насколько жизненным мог оказаться созданный в 1473 г. парламент в Мехелене, что было бы, доведи до конца Карл Смелый военную реформу, мог ли герцог Бургундский стать полноправным князем империи, а то и Римским королем и т.д.) – то это будет походить на «альтернативную историю» (*uchronie*). И еще неизвестно, что лучше – прослыть сторонником гегельянства (то есть стать «пророком, предсказывающим назад», по выражению Бориса Пастернака) или адептом сослагательного наклонения в истории. Не менее важной представляется автору и проблема интенциональности в

истории. Для того, чтобы построить полноценное, суверенное государство герцогам надо было сделать то-то и то-то (например, унифицировать правовую систему и принципы налогообложения, создать сильную бюрократию, зафиксировать единую столицу, четко определить систему политических приоритетов, озаботиться идеологией, адаптированной и приемлемой хотя бы для местных элит и т.д.). Но входило ли обретение независимости и конструирование новой идентичности в намерения бургундских герцогов и их ближайших советников? Соотношение объективного и субъективного в истории оказывается еще одним «детским вопросом», с которым пришлось столкнуться автору.

Наконец, Э. Лекюпр-Дежарден не скрывает важности для нее вызовов, которые бросает современная история Европы. Гражданское взросление автора пришлось на период эйфории 1993 г. когда Маастрихтские соглашения открыли путь к конструированию новой политической идентичности, идущей на смену национально-государственному суверенитету. Момент выхода в свет ее последней книги совпал с периодом опасений по поводу темпов строительства и надежности самой конструкции общеевропейского дома. И в том, и в другом случае бургундский пример оказывается чрезвычайно поучительным.

Бывают такие французские книги, при чтении которых у меня возникает острое желание перевести их на русский язык. Возникло оно и сейчас, однако я вовремя остановился, подумав о серьезных препятствиях. Во-первых, работа Э. Лекюпр-Дежарден все-таки написана для людей, знающих канву событий между передачей выморочного герцогства Бургундского младшему сыну короля в 1363 г. и гибелью в битве при Нанси (1477 г.) Карла Смелого, владевшего комплексом богатейших земель от Альпийских предгорий до Северного моря. На самом деле достаточно информированных людей в этой области не так много и в самой Франции⁶, у нас же их откровенно мало. Потому перевод следовало бы снабдить пространным историческим комментарием, либо писать специальное историческое введение, а это уже была бы совсем иная работа.

Во-вторых, книга рассчитана на тех, кто уже давно поддался обаянию «бургундского мифа», постулаты которого автор отча-

⁶ Как показали читательские отклики на книгу. См. обсуждение на сайте: URL: <https://www.babelio.com/livres/Lecuppre-Desjardin-Le-royaume-inacheve-des-ducs-de-Bourgogne--XIVe-X/838936> (дата обращения 20.08.2017).

сти опровергает, отчасти уточняет и конкретизирует. Думается, что отечественной публике по-прежнему надо будет сперва объяснять, что из себя представляет этот миф и в чем его привлекательность, и лишь затем подвергать его критике. В советское время можно было многое прочесть и про экономические успехи городов Фландрии и Брабанта, и про шедевры мастеров Северного Возрождения, но понять, какие именно политические формы сопровождали эти любопытные явления, было практически невозможно. Вероятно, для марксистской модели истории слишком уж вопиющим выглядел разрыв между «феодално-универсалистской химерой» бургундских герцогов, и передовой экономикой и культурой региона, оказавшегося под их властью. Как бы то ни было, из многотомной «Истории Бельгии» Анри Пиренна в русском переводе выпал раздел о бургундском периоде⁷, а в университетских учебниках, и даже во «Всемирной истории» и «Советской исторической энциклопедии» отдельно об этом политическом образовании почти ничего не говорилось.

Ситуация начала меняться с конца 1980-х гг. Прежде всего, в нашу жизнь ворвался перевод «Осени Средневековья» И. Хейзинги⁸. В Ленинградском университете начал читать свой курс по истории Нидерландов А.И. Немилов. Затем на бургундский феномен обратили внимание историки⁹, независимо друг от друга были защищены кандидатские диссертации¹⁰, появились разделы в специальных учебниках¹¹. И все-таки представляется, что «бургундский миф» в нашем историографическом ландшафте не настолько вызрел, чтобы читатель получил удовольствие от его разоблачения.

В-третьих, терминологические трудности, с которыми столкнулась Э. Лекюпр-Дежарден, увеличатся на порядок при переводе на русский язык. Начнем с того, что, как известно, переводить *État*

⁷ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937. Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937.

⁸ Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.

⁹ Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де ля Марша // Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда. М.: СПб., 2001. С. 121-136. Уваров П.Ю. Париж – это где-то во Фландрии // Знание — сила. 1997. № 12. С. 92-99.

¹⁰ Асейнов Р.М. Историческая и общественно-политическая мысль в Бургундии XV века: Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. М., 2008; Майзлин А.А. Политика герцогов Бургундских в Нидерландах в конце XIV - середине XV века: пути формирования бургундской государственности: Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. М., 2009. Носова Е.И. Бургундский двор XV века: структура, организация, социальный состав: Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. СПб., 2011.

¹¹ Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М., 2007.

как «государство» – условность. Иногда применительно к землям, подвластным бургундским герцогам, этот термин справедливо ставился во множественном числе. И тогда его стоит передавать по-другому, как «Бургундские штаты» или «Бургундские провинции». Основательно поразмыслив, автор отказывается от термина *État* в пользу *Principauté* (владение) или, с учетом присвоенного бургундскими Валуа прозвища «Великих герцогов Запада», *Grande principauté de Bourgogne*. Но как это перевести на русский язык? Калькирование термина «принципат» – путь, по которому пошел в своей работе безвременно покинувший нас Р.М. Асейнов, – не представляется удачным. В русском языке исторический термин «принципат» надежно закреплен за определенной формой древнеримской государственности, причем главным в нем является указание на сохранение республиканских черт – на то, что правитель хотя бы формально оставался «первым среди равных». Вряд ли «Великие герцоги Запада» были бы рады такой трактовке. Термин «принципат», указывающий на территориальное владение под рукой государя (как правило, не обладавшего полным суверенитетом), в русском языке употребляется крайне редко, преимущественно в переводных текстах. Например, то, что в русской традиции называется «Дунайским княжеством», в румынских текстах именуется «Принципато Молдова». Поэтому термин *principauté* уместнее переводить как «княжество». Применительно к Средним векам французские словари обозначают *principauté* как политическое образование, занимавшее высший уровень в рамках более крупного суверенного государства и включавшее в себя более мелкие политические единицы (графства, герцогства, маркизаты). И, действительно, Карл Смелый к 1477 г. объединил под своей властью семнадцать «земель». Готовы ли мы принять термин «Великое княжество Бургундское»? Отсылки к российским историческим реалиям немного режут ухо, хотя и не являются чем-то недопустимым. Тем более что в имперский период титул «Великого князя» указывал на принадлежность дому Романовых. В этом смысле важно, что бургундские Валуа старательно подчеркивали свое родство с королями Франции.

По общему мнению, разделяемому и автором, термин *principauté* призван подчеркнуть сугубо личный, иногда авторитарный, характер власти герцога (отношения господства были главной несущей конструкцией политической системы «княже-

ства»), тогда как термин *état*, более применимый для Франции или Англии, акцентировал внимание на определенном «состоянии», коллективной ответственности, коллективной идентичности жителей и правителя. В том смысле русский термин «государство», особенно в его изначальной форме «осподарство», «господарь», оказывается ближе термину *principauté*. Однако всякая оппозиция упрощает. Напомню, что в «Розарии войн» – поучении сыну, приписываемому Людовику XI, – применительно к Франции используется термин не *état*, но *seigneurie*, что указывает на авторитарное господство даже больше, чем термин *principauté*.

По-видимому, на вопрос, почему бургундские герцоги так и не построили своего государства, проще всего было бы ответить, что они об этом не думали. Три первых герцога – Филипп Храбрый, Жан¹² Бесстрашный и Филипп Добрый – вовсе не собирались добиваться суверенитета. Они в первую очередь считали себя принцами королевской крови, и двор французского короля продолжал притягивать их внимание. Они старались округлить свои владения, но это в первую очередь было им нужно, чтобы получить ресурсы для борьбы за влияние на короля и за доступ к королевской казне.

Э. Лекюпр-Дежаржен об этом не упоминает, вероятно, считая самоочевидным, но у сепаратизма французских принцев крови были серьезные ограничения. Любой из них понимал, что парадоксы «салического закона» престолонаследия могут сделать французским королем его потомков, а то и его самого¹³. И только Карл Смелый, да и то не сразу, решился на разрыв с королем, начав борьбу за обретение реального суверенитета своих владений, для чего им и был создан парламент в Мехелене (1473), полностью независимый от парламента Парижского. Таким образом, только последние четыре года своего существования «Великое княжество Бургундское» управлялось герцогом, напрягавшим все силы для обретения независимости, точнее – для обретения королевской короны.

¹² Я бы с удовольствием именовал его Иоанном Бесстрашным, но наша отечественная традиция транслитерации такова, что латинизированная форма имени признается только за суверенными правителями: король Генрих III (а не Анри), но герцог Франсуа де Гиз (а не Франциск). Правда этот принцип почему-то упорно саботируется пиренеистами и скандинавистами.

¹³ Такова была судьба мятежного герцога Орлеанского, ставшего королем Людовиком XII. Век спустя глава гугенотских инсургентов Генрих Наваррский займет трон христианнейших королей Франции под именем Генриха IV.

Если все же рассматривать период 1363-1477 гг. как единое целое, то, по мнению многих историков, Великие герцоги Запада имели на руках ряд козырей, способных обеспечить им успех. Автор по-хозяйски перебирает факторы, способные служить созданию суверенного государства, и тщательно взвешивает аргументы «за» и «против» обретения бургундской идентичности.

Бургундским правителям не было равных в организации пышных церемоний, призванных обеспечить символическую коммуникацию как со зрителями, так и с более удаленными адресатами. Политические ритуалы и праздники¹⁴ демонстрировали не только могущество герцогов, но и наличие у них определенной политической программы: любовь к Общественному благу, стремление сохранять всеобщее согласие, поддерживать уважение к правосудию, готовность жертвовать всем в Крестовом походе. Все бургундские герцоги мыслили себя как рыцари Христа, жертвующие собой ради святого для всего Христианского мира дела. Достаточно вспомнить знаменитый «пир Фазана» в Лилле 1454 г., на котором участники дали обет отвоевать Константинополь. Вести об этом и о подобных событиях быстро разносились по всей Европе. Умелое использование «информационных потоков» – театральные постановки, картин, поэм, писем, слухов – могло бы способствовать сплачиванию обширных территорий, подвластных герцогам. Однако эта их деятельность была рассчитана в основном на внешний эффект, демонстрируя европейскому рыцарству особые качества бургундских герцогов, убеждая в их могуществе все европейские дворы. Крестоносная идея могла бы стать объединяющим началом бургундской государственности, но слова и жесты герцогов систематически расходились с их делами, оставаясь частью той утонченной игры, о которой столь ярко писал И. Хейзинга. Пропаганда, не подкреплённая реальными делами, давала лишь кратковременный эффект, праздники проходили, не оставляя после себя «долгосрочных» идей, способных сплотить население подвластных земель.

Герцоги подчеркивали свою рыцарственность, о чем свидетельствовали пышные турниры, страсть к гербовникам и геральдическим штудиям, утонченный церемониал бургундского ордена

¹⁴ Первая диссертация автора была посвящена теме праздников и процессий в городах. См. на русском языке: *Лекюпр-Дежарден Э.* Великаны в городах, забывших свое прошлое? Позднесредневековые мифы об основании нидерландских городов // СВ. 2009. Вып. 70 (4). С. 95-105.

Золотого Руна. Лейтмотивом герцогских деклараций и воззваний были слова «верность» и «честь». Любовь и преданность своему щедрому сюзеру полагались главными «скрепами» бургундской политической культуры. Важную роль играли личные отношения аристократов с герцогом. Но как только оскудевал источник богатств и почестей, как только слабели личные узы, проходила и рыцарская преданность. Надменность Карла Смелого и его стремление обезличить существующие связи верности, заменив «любовь» на «долг», оттолкнули от него многих представителей знати. К тому же почти все они сохраняли вассальные связи и с французским королем. Но если король мог и не быть щедрым рыцарем, а его фигура все равно оставалась сакральной, то герцоги так и не сумели изменить сугубо договорной характер отношений со знатью, как, впрочем, и с крупными городами. И любое несоблюдение контракта давало повод расторгнуть узы верности.

Бургундские правители проявляли оппортунизм, удивлявший даже выдавших виды современников. Нарушения клятв в «вечном мире» были делом привычным для того времени, но герцоги на правах принцев крови к тому же постоянно выступали против «тирании» королевского правительства, требуя политических реформ, ослабления налогового бремени, соблюдения прав горожан, в особенности — жителей Парижа, регулярных консультаций со своими подданными, уважения их прав и свобод. Это укрепляло популярность герцогов во Франции, однако ни одно из этих требований не применялось в отношении их собственных территорий. Реформы, осуществления которых герцоги требовали в Париже, могли бы стать основой сплочения подданных, в особенности жителей северных областей, чья политическая культура связывала лояльность правителю с обладанием права совещательного голоса. Но герцоги никогда в своих владениях не провозглашали это даже в качестве демагогических лозунгов. Они постоянно подчеркивали, что являются «детьми Франции», хранящими интересы королевства, что не способствовало обретению новой идентичности жителями Великого княжества Бургундии.

Герцогская пропаганда в основном подчеркивала особую роль Бургундии в жизни королевства. Идея о преемственности с «уделом Лотаря», столь полюбившаяся современным исследователям, была маргинальным сюжетом¹⁵. Важнее было подчеркнуть,

¹⁵ В Брабанте требовалось обосновать наследование земель по женской линии, для чего и подчеркивали отличие местной правовой традиции от французского и имперского права.

что именно из Бургундии Хлодвиг принял христианство, что бургундский герцог всегда считался первым среди пэров Франции, играя особую роль при коронации. В этом был контраст с политической герцогов Бретонских, стремившихся отделить историю своего герцогства от истории королевства, и в итоге отказавшихся от титула пэра Франции.

Понятие «Бургундского дома» было важным, но до Карла Смелого оно понималось сугубо генеалогически, а не как совокупность земель, исторически принадлежащих герцогам. Кстати, только он начал именовать себя «Карл, божьей милостью герцог Бургундский, Лотарингский, Брабантский и проч.». Порвав с Людовиком XI, Карл Смелый сделал ставку на получение короны из рук императора. Но на переговорах с Фридрихом III в ноябре 1473 г. герцог действовал в соответствии с французской традицией, апеллируя исключительно к монарху, а не к курфюрстам. В результате астрономические расходы на встречу императорского двора не оправдались: герцог настроил против себя всю Империю.

Карл был одержим обретением короны и соединением своих территорий в единый комплекс. Но даже в случае успеха без наличия устойчивых политических структур и без осознания подданными принадлежности к одной исторической общности этого было недостаточно для создания полноценного государства.

Герцоги слыли прекрасными воинами, тратя на войну огромные средства; в военных реформах Карла Смелого видят чуть ли не истоки «военной революции». Но, по мнению автора, Карл лишь боролся с главным бичом своей армии – массовым дезертирством наемников, ненадежностью городских ополчений и феодалных отрядов. Ему приходилось воевать на всех фронтах, военные расходы росли в геометрической прогрессии. Подданные не хотели нести тяготы войны ни ради амбиций герцога, ни для защиты далеких провинций, к жителям которых они не испытывали доверия. Наращивание военной мощи не вело в данном случае к созданию государства нового типа, коль скоро война была нужна лишь для решения сиюминутных задач. Роковую роль для перспектив бургундской государственности играло отсутствие общего врага, угрожавшего существованию всех провинций, что оправдало бы мобилизацию ресурсов. Эту роль играл сам Карл Смелый для сопредельных земель, недаром в Империи его звали «Великим Турком Запада».

Анализ автором форм репрезентации пространства в виде карт, списка территорий, прав и титулов, гербовников, обыгрывания числа подвластных провинций (при Карле Смелом доказывалось мистическое значение числа 17 по числу провинций, принадлежащих герцогу), показывает, что Великое герцогство Бургундское не мыслилось как целостность, хоть в чем-то превосходящая сумму составляющих ее частей. При этом четкого представления о границах как о линиях демаркации не было в виду множества анклавов и эксклавов, а также взаимного наложения юрисдикций, служивших единственным критерием территориальной принадлежности. У Великого герцогства Бургундского отсутствовала столица. Дижон был скорее герцогской усыпальницей, а притязания Брюсселя на столичный статус были скорее инициативой местных интеллектуалов, чем самих герцогов. Выбор Мехелена как резиденции нового Парламента мог бы придать ему столичный статус, хотя тот же Карл Смелый заявлял, что хочет сделать своей столицей Нанси, надеясь тем самым склонить лотарингцев подчиниться власти герцога. Города – «члены Фландрии», требуя обязательного пребывания герцога в своих стенах, стремились лишь подтвердить и расширить свои привилегии.

Э. Лекюпр-Дежраден, в отличие, например, от Ричарда Вогана, не считает отсутствие столицы фатальным препятствием на пути обретения государственности. Не считает она и то, что бурное развитие городов мешало этому. Хуже было, что герцог так и не установил долгосрочный союз с городами и провинциями, который гарантировал бы им сохранение своего уникального положения в обмен на политическую лояльность, как это было в землях Арагонской короны. Для того, чтобы преодолеть партикуляризм провинций и городов, нужно было нечто, в перспективе способное объединить их в то, что Бенедикт Андерсон назвал «воображаемым сообществом», которым и является нация.

Автор, подобно большинству современных исследователей, отходит от привязки наций исключительно к современному периоду. Арбротская декларация не оставляла сомнений в существовании шотландской нации, а согласно формуле современника Карла Смелого – курфюрста Бранденбургского Альбрехта Ахилла – «только немец может быть императором». Но даже самые ярые сторонники бургундского герцога как, например, Оливье де Ла Марш или Жорж Шатлен не называли «нацией» его подданных. Средневе-

ковые источники могут говорить о существовании вполне реальных наций, но те должны были обладать общим языком, общей памятью, отраженной в историописании, общими политическими идеалами, общим врагом и, желательно, общим именем. Ничего подобного в землях бургундских герцогов не возникло. Можно ли сказать, что герцоги не смогли создать собственную нацию? Но ведь они и не ставили такой задачи.

Не-национальные или наднациональные государства вполне могут существовать (автор несколько неожиданно вспоминает про СССР), проблема множественности языков делопроизводства также может быть разрешена. Главное, чтобы было желание подданных и провинций сосуществовать вместе. Могли ли экономические связи стать основой для сосуществования провинций и их слияния в единую общность, заложив фундамент для нового государства? По мнению Э. Лекюпр-Дежарден, состояние дел в Европейском Союзе сегодня наводит на мысль о том, что этот путь – тупиковый. Но и без экскурсов в современность очевидно, что этот вариант был маловероятен из-за ожесточенного соперничества между городами и между группами горожан. Сопrotивляясь Людовику XI после 1477 г., бывшие подданные Карла Смелого руководствовались не преданностью династии и не верностью бургундской идее, но защитой своих собственных привилегий. Контрактная модель власти, базировавшаяся на том, что сеньору подчиняются лишь в той мере, в какой он уважает права подданных, прочно укоренилась в политической культуре северных провинций Великого княжества Бургундского. И низложение Филиппа II представителями провинций в Гааге 26 июля 1582 г. лежало не только в русле модных в то время учений монархомахов, но вполне соответствовало местной политической традиции.

Пессимистически оценивая перспективы строительства бургундской государственности, автор избегает заключения о том, что герцоги в отличие от королей Франции и Англии оказались «не на той стороне» исторического развития. Напротив, непредвзятое отношение к анализу позднесредневековых политических процессов показывает, что в плане организации государственной власти Англия и Франция были исключением из общего правила. Между серединой XIV и серединой XVII вв. большинство европейских правителей рассматривали свои территории как личное владение. Династический ландшафт Европы часто не совпадал

с тем, что историки назовут логикой государственного интереса. «Великие герцоги Запада» мало чем отличались от правителей соседних стран, если подходить к ним не с точки зрения исторических перспектив, а как к людям своего времени.

Авторские опасения, что термин *État* неминуемо будет отсылать к понятиям рационального устройства, стабильного управления, бюрократии веберовского типа, как представляется, выглядят для русского читателя преувеличенными. Во всяком случае, для людей старшего поколения, воспитанных на том, что «Государство – есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы удерживать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»¹⁶. В этом смысле бургундские герцоги не уступали своим французским сюзеренам. И хотя в верности марксизму-ленинизму клянутся у нас не часто, российские историки зачастую продолжают говорить о «феодальном государстве», имея в виду власть, которая действует в интересах феодалов, или еще проще – власть, которая существует при «феодализме». О том, как понимать последний термин мы умолчим, отметив, что для западных коллег «феодальное государство» в известном смысле – оксюморон. Впрочем, некоторые авторы могут использовать и этот парадоксальный термин. Ж.-Ф. Жене именно так характеризовал позднесредневековую Англию¹⁷, поскольку король, находясь на вершине феодальной иерархии, использовал к своей выгоде упорядоченную систему вассальных связей. Однако в Великом княжестве Бургундском, несмотря на феодальные атрибуты и подчеркнутое внимание к феодальным правам, власть герцога основывалась не на стройной иерархии вассально-ленных отношений, но, в первую очередь на личных связях герцога с местными сеньорами – связях либо неформальных, либо каждый раз оговариваемых индивидуальным контрактом.

Тогда, может быть, применить к герцогским владениям термин *état princière*, как это предложил Бернар Шнерб? Чтобы избежать тавтологии, я перевожу это определение термином «династическое государство». Основной для единства служит преданность государю, точнее правящей династии, являющейся залогом идентичности данного государства. Примером здесь могут служить многие из германских княжеств. Но, по мнению Э. Лекюпр-Дежарден, Великое княжество Бургундское и этому определению не

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 75.

¹⁷ Genet J-F. La genèse de l'Etat moderne. Culture et société politique en Angleterre, P., 2003.

соответствовало, поскольку герцоги долго считали себя в первую очередь родственниками французского короля, а не отцами своих подданных, населявших столь разнородные и разобщенные территории. К тому же все держалось на верности не столько династии, сколько данному герцогу.

Продолжая свои рассуждения, автор приводит еще и пример «территориальных государств» Италии – синьорий, существовавших в зонах плотной урбанизации. Но ничего подобного контролю итальянского города над своим контадо не наблюдалось даже в урбанизированной Фландрии. Когда же власть в Италии от коммун переходила в руки синьоров – последние продолжали опираться на коммунальные структуры. Не удивительно, что иначе, чем в Бургундии, строилась и идеология Общественного блага.

Сравнение с иными формами организации власти всегда полезно, однако при ближайшем рассмотрении каждое княжество, герцогство или синьория производят впечатление гапаксов. Великое княжество Бургундское оказалось уникальным, но разве Республика Святого Марка походила на Республику Святого Георгия? Иное дело – поиски аналогий. Вообще-то, как минимум одно государство в виде совокупности наследственных и присоединенных владений разного правового статуса и разной степени развития успешно существовало на протяжении нескольких веков. У него не было названия, отсутствовало национальное и даже конфессиональное единство, с языком делопроизводства были ощутимые сложности, а попытки унификации начали предприниматься довольно поздно и были не слишком удачны. Речь идет о владениях Австрийских Габсбургов в период с XVI до, как минимум, второй половины XVIII вв. Габсбурги, кстати, любили подчеркивать преемственность с Великим герцогством Бургундским, сохраняя орден Золотого руна. Правда, у них в отличие от бургундских Валуа был грозный внешний враг – Османская империя.

Из моего рассказа о книге выпало нечто важное. Она написана хорошим языком, порой напоминающим стилистику «Осени Средневековья». Текст изобилует неподражаемыми деталями, передающими *l'après saveur de la vie* – терпкий запах бургундской жизни. Исследование постоянно обращается к жизненному опыту конкретных людей, прекрасно знакомых автору по многолетним архивным изысканиям.

То, что автор берет под сомнение некоторые положения бургундского мифа, – полезно. В условиях постмодернистской уве-

ренности в том, что всякая идентичность является конструктом и что, если нет нации, ее легко можно создать при помощи умелой «исторической политики» или организации пышных праздников, критический подход весьма уместен. В порядке полемики я бы указал на недостаточное внимание к религиозной жизни, к пантеону «общегургундских» и «местнотимых» святых, к церковной политике герцогов. На мой взгляд, большего внимания заслуживают и экономические аспекты бытия этих территорий. Автором недооценен вклад немецких историков в изучение средневековой политической культуры, в частности – работы Петера Морава, изучавшего пространственный и символический аспекты власти в Империи¹⁸.

Работа Э. Лекюпр-Дежарден исследует причины гибели «недостроенного королевства», находя очень убедительные объяснения. Однако в данном случае после своей кончины «Великое княжество Бургундское» продолжило существование в виде того самого общего идеализированного прошлого, которого так недоставало княжеству при его жизни. История герцогства станет предметом ностальгии и грез о былом величии. Бургундскому церемониалу будут подражать самые блестящие королевские дворы Европы. Укоренившиеся принципы управления бургундскими землями были ненадежны, однако на их защиту жители северных провинций поднимались не раз, проявляя упорство в борьбе с наконец-то появившимся общим врагом. Поначалу таким врагом была Франция, потом Испания, а затем снова Франция. И ни партикуляризм, ни разобщенность, ни приверженность к контрактным формам власти не помешали эффективности сопротивления. Эти земли обретут и отстоят свою государственность, составившую альтернативу абсолютистским режимам.

Тем из отечественных читателей, кто еще не успел пресытиться «бургундским мифом», надо напомнить, что области, столь неумело управляемые герцогами, в эту же эпоху демонстрировали беспрецедентный динамизм экономического развития, готовясь к тому, чтобы стать центром нарождавшейся «мир-экономики». Здесь достигали головокружительных духовных высот школы «Нового благочестия». Эти края порождали поколения живописцев, непревзойденных и до сих пор нами не разгаданных. Некоторые искусствоведы, вглядываясь в интерьер на портрете четы Арнольфини,

¹⁸ Moraw P. Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung. Das Reich im späten Mittelalter 1250 bis 1490. Frankfurt, 1985.

утверждают, что их комната выдумана Ван Эйком и в реальности не могла существовать: слишком несогласованы размеры люстры, зеркала, фигур супругов, с размерами комнаты, в которой к тому же отсутствует камин. Но все же мы верим в то, что перед нами реальная сцена из жизни негодянта, осевшего в Брюгге. Великое княжество Бургундское также было слишком несогласованным в своих частях, чтобы существовать реально. Однако оно существовало, и на его землях продолжали рождаться шедевры человеческого духа. В этом можно усмотреть некую взаимосвязь.

Попробую пояснить. Параллельно с упомянутым трудом П. Бушрона в ИВИ РАН также велась работа над средневековым томом «Всемирной истории»¹⁹. Взгляд на средневековую Ойкумену с птичьего полета убеждает, что Запад в эту эпоху был тем редким уголком, где в силу стечения обстоятельств стало возможным не создавать мощную, но затратную наднациональную империю с сильной армией и бюрократией, и при этом не подвергнуться завоеванию. Тем самым было обеспечено разнообразие вариантов развития, созданы институты, независимые от государства (каким бы словом не переводить на европейские языки тот термин), что создавало условия для последующего «взлета» Запада. Но если сохранение максимального многообразия при минимальных расходах на содержание государственных структур считать одним из «секретов Запада», то регионами, где это качество в период позднего Средневековья было наиболее выражено, оставались Северная Италия, Рейнская область и Великое княжество Бургундское.

Этот отстраненный взгляд на Европу позволяет задаться вопросом: а, может быть, хорошо, что «королевство» герцогов Бургундских так и осталось недостроенным?

Список литературы

- Blockmans W., Prevenier W.* The Burgundian Netherlands. Cambridge: Cambridge University press, 1986.
- Genet J-F.* La genèse de l'Etat moderne. Culture et société politique en Angleterre. Paris : Presses universitaires de France, 2003.
- Histoire du monde au XVe siècle / Sous la dir. de P. Boucheron.* Paris: Fayard, 2009.

¹⁹ Всемирная история в 6 томах. Т. 2 Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.

- Histoire mondiale de la France / Sous la dir. de P. Boucheron. Paris: Seuil, 2017.
- Lecuppre-Desjardin E.* Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne (XIVe-XVe siècles). Paris: Belin, 2016.
- Moraw P.* Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung. Das Reich im späten Mittelalter 1250 bis 1490. Frankfurt /am Main : Gebundene Ausgabe, 1985.
- Piketti Th.* Le Capital au XXIe siècle. Paris: Le Seuil, 2013.
- Schnerb B.* L'État bourguignon. 1363-1477. Paris: Perrin, 1999.
- Vaughan R.* Philip the Bold. The Formation of the Burgundian State. Cambridge (Mass): Harward University Press, 1962.
- Vaughan R.* Valois Burgundy. London: Allen Lane, 1975.
- Асейнов Р.М.* Историческая и общественно-политическая мысль в Бургундии XV века: Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. М., 2008 [Asseynov R.M. Istoritcheskaja i obschestvenno-polititcheskaja mysl' v Burgundii XV veka: Avtoref.diss. k.i.n. M.,2008]
- Всемирная история в 6 томах / Под ред. А.О.Чубарьяна. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. [Vsemirnaja istoria v 6 tomah / Pod red. A.O. Tchubarjana. T. 2: Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka. M.: Nauka, 2012.]
- Лекюпр-Дежарден Э.* Великаны в городах, забывших свое прошлое? Позднесредневековые мифы об основании нидерландских городов / Пер. с фр. Ю.В. Ткаченко // Средние века. 2009. Вып. 70 (4). С. 95-105. [Lecuppre-Desjardin E. Velikany v gorodah,zabyvchyh svoe prochloe? Pozdnesrednevekovye mify ob osnovanii niderlandskih gorodov / Per. s fr. Yu. Tkatchenko // Srednie veka. 2009. Vyp.70 (4). S. 95-105.
- Майзлиш А.А.* Политика герцогов Бургундских в Нидерландах в конце XIV - середине XV века: пути формирования бургундской государственности: Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. М., 2009. [Majzlish A.A. Politika gertsogov Burgundskih v Niderlandah v kontse XIV- seredine XV veka.: Puty formirovania birgundskoj gosudarstvennosty: Avtoref. diss. k.i.n.,M., 2001]
- Носова Е.И.* Бургундский двор XV века: структура, организация, социальной состав: Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. СПб., 2011 [Nosova E.I. Burgundskij dvor XV veka: struktura, organisatzija, sozialnyj sostav: Avtoref.diss. k.i.n. SPb, 2001]
- Пиренн А.* Нидерландская революция / Пер. Ф.А Коган-Бернштейн. М.: Соцэгиз, 1937. [Pirenn A. Niderlandskaja revolutsija / Per. F.A. Kogan-Bernschejn. M. : Sozegiz, 1937]

- Пиренн А.* Средневековые города Бельгии / Пер. под. ред. Е.А. Косминского. М.: Соцгиз, 1937. [Pirenn A. Srednevekovye goroda Belgii / Per. pod red. E.A. Kosminского. М.: Sotsegiz, 1937].
- Уваров П.Ю.* Париж – это где-то во Фландрии // Знание — сила. 1997. № 12. С. 92–99. [Ouvarov P.Yu. Paris eto gde-to vo Francii // Znanije –sila. 1997. № 12. S. 92-99]
- Хачатурян Н.А.* Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ля Марша // Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб.: Алетея, 2001. С. 121-136. [Hachaturjan N.A. Burgundskij dvor i ego vlastnye funktsii v tractate Olivier de La Marcha // Dvor monarha v srednevekovoj Evrope: javlenie, model', sreda/ pod red. N.A.Hachaturjan. М., SPb: Aleteja, 2001 S. 121-136]
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. Д.В. Сильвестрова. М.: Наука, 1988. [Huzinga J. Osen' Srednevekovja / Per. D.V.Silvestova. М.: Nauka, 1988].
- Шатохина-Мордвинцева Г.А.* История Нидерландов. М.: Дрофа, 2007 [Schatohina-Mordvintseva G.A. Istoria Niderlandov. М.: Drofa, 2007].

Pavel Yu. Ouvarov

**A STATE THAT NEVER HAPPENED:
A CASE OF ALTERNATIVE HISTORY DURING THE
ALTERATION OF GENERATIONS IN THE
FRENCH HISTORIOGRAPHY**

The success of French 'middle-aged' humanities scholars gives rise to surprise. Contrary to the scepticism of elder colleagues, the works of this generation, from Thomas Piketti to Patrick Boucheron, have proved to be in demand. They are not afraid to make mistakes, and this gives them opportunity to answer simple, but at the same time very important questions. Such scientific style is also inherent to Elodie Lecuppre-Desjardin, who has dared to ask why *la Grande Principauté de Bourgogne* (1363–1477) turned out to be 'unfinished' as a political body. (Lecuppre-Desjardin E. *Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne*. P.: Belin, 2016.) Her investigation follows a narrow verge between 'finalism' and 'alternative history' (*uchronie*), without being afraid of posing theoretical questions long disregarded by French historiography. For example, what is a state, and which type of medieval states should the domain of the Dukes of Burgundy be attributed to? The research of E. Lecuppre-Desjardin gains new dimensions when compared with Russian historiography which has its own tradition of study the history of *la Grande Principauté de Bourgogne* and a different terminological system, opening new connotations of the term 'state'. Most importantly, a detached approach to the medieval West in the context of the World history allows us to surmise a positive connection between the failure of the dukes of Burgundy in a state-building and a striking economic and cultural rise of that region. If Europe was an exception, then lands of the dukes of Burgundy of later Middle Ages were the essence of this exceptionality.

Keywords: French historiography of the 21st century, 'Great Duchy of Burgundy', medieval state, medieval nations, alternative history.